

МОЛИТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА В ДРЕВНЕРУССКОМ ДИСКУРСЕ

The article presents the fragment of analysis of ancient Russian discourse, which is organized by the whole of texts combined by the common problem of conversion of ancient Russian to Christianity on the basis of which the dominating role in them plays praying semantics. Possessing influential direction and organizing mainly in the texts of agiographic genre this semantics actively provides the formation of Christian world view and Christian picture of the world of the ancient Russian in the whole in the given historical period. It has been proved, that the prey itself as something sacral and close to God allowed a man to realize occurring difficulties in the light of 'for our sins' and owing to it strive for inner perfection.

Древнерусский дискурс знаменует совокупностью текстов, объединенных общей проблемой приобщения древнего русича к христианизации, на основании чего доминирующую роль в них играет молитвенная семантика. Обладая воздействующей направленностью и организуясь главным образом в текстах агиографического жанра, данная семантика активно способствует формированию христианского мировидения и в целом христианской картины мира русичей в рассматриваемый исторический период. Несмотря на идентичность плана выражения молитвенной и повелительной семантики, обусловленную синкретизмом мышления древнего русича, уже в ранних средневековых грамматиках молитвенное значение интерпретируется как самостоятельное грамматическое значение в составе категории наклонения, наряду с повелительным наклонением [1, с. 43]. Осмысление молитвенной семантики и способов ее выражения как отдельного грамматического феномена в древнерусский период свидетельствует о ее актуализации в письменных памятниках в эпоху становления христианства на Руси.

Анализ молитвенной семантики, выделенной в памятниках письменности XII – XIII вв., свидетельствует о том, что в христианской картине мира древних русичей мольба ограничивается прежде всего сферой «свой» и является доминирующей семой молитв.

Диалогичностью древнерусского дискурса обуславливается наличие оппозиции «Я» и «Другой», первый член которой, согласно наблюдениям, представлен самыми различными адресантами: автором, святыми, епископами церкви, монахами. Своеобразие второго члена оппозиции в мольбе заключается в том, что он означен как высшее существо, Абсолют, которым является Бог. К Богу обращаются не всуе, а с целью надежды на помощь в особенно трудной ситуации. Мольба передается главным образом формами 2-го лица единственного числа императива, которые закреплены в молитвах как показатели откровения говорящего, стремящегося приблизиться к Богу.

Сема 'мольба' является ведущей в императивной семантике в произведении «Сказание о Борисе и Глебе», в котором она передается путем нанизывания друг на друга глаголов в повелительном наклонении: *не ослаби ны преданомъ быти... нь искуопи ны отъ настоящаага зла и дажь ны время безакония наша пред тобою* [СБГ, с. 58]; *вѣдо едины и без грѣха призври съ ѿбсе стго твоего на насъ оубогыхъ ялма же съгрѣшихомъ нь ты оцѣсти* [СБГ, с. 57].

Как видим, утверждение молитвенной семантики достигается в случае употребления в высказывании обращения. Автор обращается к Богу от имени всего человечества с мольбой очистить от грехов. Мольба отмечается после убийства святых мучеников. Ощущая и свою, как представителя рода человеческого, причастность к совершенному злодеянию, автор взывает к Богу, используя, наряду с семой 'мольба', сему 'призыв', воплощаемую в виде сочетания формы глагола 3-го лица единственного числа и частицы *да*: *и безаконьновахомъ ослаби претѣкнуухомъ ся по пременению яко блудѣнницу оцѣсти ны и яко мыто имѣца оправи да придетъ на ны мѣсть твоя да въстанеть на ны члѣволюбие твое и не ослаби ны преданомъ быти грѣхы нашими ни оусъноути ни оумрети горькою съмъртию нь искупи ны отъ настоящаага зла* [СБГ, с. 57].

Достижение эмоционального накала осуществляется за счет соединения глаголов в императиве союзом *и*, что ритмически организует текст: *дажь ны время покаянню яко многа безакония наша предъ тобою гѣ и сътвори съ нами по мѣсти твоеи гѣ нь помилуи ны и оущедри и застоупи и не сътвори насъ въ поносъ нь милость твою излѣчи на овѣца пажити твоя* [СБГ, с. 58]

Анализ показывает, что в качестве «Другого» в древнерусском дискурсе выступит не только Бог, но и к святыне Борис и Глеб, поскольку в христианской картине мира они занимают центральное, наряду с Христом, место, следовательно, с точки зрения древнего русича, обладают значительной после Бога сверхъестественной силой и способны оказывать воздействие на изменения в жизни человека. Не случайно в содержательном плане включающие молитвенную семантику тексты с обращением к этим святым не имеют существенных отличий от текстов-молитв, обращенных к Богу. В плане выражения отличия заключаются лишь в замене формы 2-го лица единственного числа глаголов повелительного наклонения формами 2-го лица двойственного числа, что связано с обращением к двум ипостасям одновременно: *гладь и озлобление отъ насъ далече отъженѣта и всего меча браньна избавита насъ и оусобичьныя брани чюжса створита и всего грѣха и нападения застоупита насъ оуповающихъ къ вама* [СБГ, с. 57].

Значимость говорящего в древнерусском дискурсе выражается в том, что молитвенная семантика передается в нем также разного рода выдающимися личностями. В частности, в трудных ситуациях уповают на Бога и обращаются к Богу исторические деятели, впоследствии ставшие святыми, Борис и Глеб, Андрей Боголюбский, Черноризец и другие. Актуализация «Другого», которым является Бог, эксплицируется путем включения в высказывание обращения *Господи*, а также сопровождающих данное слово уточняющих компонентов *Боже, Иисус Христос, владыко* и подобных: (Борис) *ѡи бѣ мои на тя оуповахъ спси мя . . . гѣ иѣ хѣ иже симь образьмъ яви ся на земли . . . съподоби и мя прияти страсть* [СБГ, с. 47]; (Глеб) *гѣ слъзъ моихъ не премълчи. нѣ оумили ся на мое оуныние. вижъ съкроушение срѣца моего* [СБГ, с. 49]; (Андрей) *Господи, призри на немощь мою и вижъ смиренье мое* [УАБ, с. 330]; (черноризец) *гѣ мои иѣ хѣ съподоби мя съобъщъникоу быти славы стѣхъ твоихъ. и с тѣми причастити ся црствю твоему. и не отлоучи мене молю ти ся вѣдко* [ЖФП, с. 102]. Как видим, в последнем случае на высказывание как молитву указывает вводная конструкция *молю ти ся*.

В качестве «Другого» в древнерусском дискурсе могут выступать все праведные люди, именуемые братьями, к которым чаще всего причисляется и читатель. Нравоучительный характер мольбы формируется за счет специфики таких жанров, как поучение или слово. Мольбу как доминирующий императивный смысл отмечаем в «Поучении» Владимира Мономаха. Несмотря на византийское происхождение по линии матери, Владимир Мономах является выразителем религиозно-христианских взглядов древних славян, так как он, участвуя во всех важнейших событиях русской жизни, «вносил сильное сдерживающее начало в процессы дробления Русской земли» [2, с. 5]. Представитель своего времени, он олицетворяет мировидение древнерусской народности, характеризовавшейся в период его правления этническим и языковым единством. Д.С. Лихачев подчеркивает, что включение «Поучения» в список «Повести временных лет» во Владимиро-Суздальском княжестве «становится важнейшей символической акцией, знаменуя собой принятие политических и моральных заветов Мономаха» [2, с. 7]. Эти «моральные заветы» передаются Мономахом в виде мольбы путем единства структуры коммуникативного акта и выбора «Другого», в роли которого выступают дети и потомки без их дифференциации: *Да дѣти мои, и инъ кто, слышавъ сю грамотицю, не посмѣйтеса* [ПВЛ, с. 392]. Сама личность великого князя не позволила бы ему замкнуться рамками семейного круга. Стремление перевести как можно большее число людей в сферу «свой», ближе к Богу, подтверждают формы 2-го лица единственного числа с обобщенным значением, благодаря которому прескрипция адресуется некоторому множеству людей без использования специальных маркеров, обозначающих исполнителя. Установка на адресата реализуется благодаря способности автора передавать оттенки императивного смысла: *Ажѣ блудися и пьянства и блуда, въ томъ бо душа погыбаетъ и тѣло* [ПВМ, с. 400]. Молитвенная же семантика усиливается за счет устоявшейся в письменности данного периода вводной конструкции *молю вы ся*: *А бога дѣля не лѣнитеса, молю вы ся, не забывайте трехъ дѣл*. [ПВМ, с. 398].

Актуализация говорящего в древнерусском дискурсе особенно ярко выражена в проповедях Серапиона Владимирского. По наблюдениям В.Н. Топорова, Серапион «не приказывает, не умоляет и как бы даже не просит, но передает слово Господу, а сам же в развитии этого слова ставит вопросы, которые должны заставить людей задуматься над происходящим и самим сделать свой выбор. И даже не заставить, а сделать так, чтобы они сами с помощью слова Господнего и сопровождающего его разъяснения поняли зависимость между грехами своими и претерпеваемым бедствием, пережили это новое для них значение в той степени, когда пробуждается совесть, и именно она становится главным императивом к принятию нужного практического решения» [3, с. 243]. Как справедливо отмечает исследователь, не скрывая многих

«тяжких грехов русского человека его времени, Серапион предпочитает не обличать, но увещевать, умолять» [3, с. 245]. Отсюда использование автором молительной семантики, передающей боль Серапиона за пороки русского человека и увещевающего осознать их, покаяться в своих грехах с целью предотвращения будущих бед: *молю вы, отступите дѣль поганьскихъ* [СлСВл., с. 452]; *Нынѣ же, молю вы, за преднее безумье покайтесь* [СлСВл., с. 452]. Мольба-увещевание Серапиона Владимирского связана с надеждой на будущее, на еще возможное спасение. На императивность, переходящую в футуральность, указывает однородный ряд форм простого будущего времени, употребляемых наряду с формами в повелительном наклонении со значением мольбы: *Гнѣвъ Божий престанеть и милость Господня изльется на ны, мы же в радости поживемъ в земли нашей* [СлСВл., с. 454]. Последнее произойдет («в радости поживем»), если в общечеловеческой картине мира доминирующим окажется христианское мировоззрение.

Молительная семантика в древнерусском дискурсе отнюдь не замыкается кругом Бога, святых и братии. Она могла передаваться и в случае личного обращения, приобретая оттенок интимности отношений между говорящим и слушающим. Кроме того, мольба отмечается в случае направленности на «Другого» из сферы «чужой»: (Глеб) *ведѣте мя къ князю вашему а къ братоу моему. помилуйте оуности моеѣ* [СБГ, с. 52].

Своеобразие древнерусского дискурса молительной семантики заключается, на наш взгляд, в том, что «Другой» предстает в нем не только в виде отдельных личностей, братии, толпы, но и в виде сакрализуемых человеком предметов. К ним, в частности, принадлежит небо, представленное в христианской картине мира не просто как астрономическое светило, но как Космос и даже как Бог. На данный факт указывает известный философ С.Н. Трубецкой, подчеркивая, что «на языке того времени постоянно говорили «небо» вместо «Бог», точно так же как употребляли и другие выражения, чтобы не упоминать всуе святое имя» [4, с. 428]. Таким образом, слово *небо* заключает в себе сакральное начало: (Глеб) *слыши небо и въноуци гласа моего* [СБГ, с. 52].

Итак, проанализированный материал позволяет обозначить ту существенную роль, которую сыграл древнерусский дискурс, включающий молительную семантику, в решении значимой в рассматриваемый исторический период проблемы приобщения древнего русича к христианским святыням. Не наставления, призывы, просьбы, требования, а именно мольба, как нечто сакральное и близкое к Богу, позволяла человеку осознавать случившиеся трудности сквозь призму «за грехи наши» и в силу этого стремиться к освобождению от грехов и к внутреннему совершенствованию в соответствии с христианской картиной мира.

Список использованных источников

1. Гайнуллина, Н.И. Очерки по истории русской грамматической мысли (XI – середина XVIII вв.) / Н.И. Гайнуллина. – Алматы : Казак университеті, 2012. – 210 с.
2. Лихачев, Д.С. Литература эпохи «Слова о полку Игореве» / Д.С. Лихачев // Памятники литературы Древней Руси. XII век. – М. : Художественная литература, 1980. – С. 5 – 22.
3. Топоров, В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. / В.Н. Топоров. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995 – 1998. – Т 2 : Три века христианства на Руси (XII – XIV вв.). – 1998. – 864 с.
4. Трубецкой, С.Н. О природе человеческого сознания / С.Н. Трубецкой // Трубецкой, С.Н. Сочинения / С.Н. Трубецкой. – М. : Мысль, 1994. – С. 403 – 479.

Список памятников и их условные сокращения

СБГ – Сказание о Борисе и Глебе // Успенский сборник. XII – XIII вв. / под ред. С.И. Коткова. – М. : Наука, 1971. – С. 52 – 58.

УАБ – Уложение Андрея Боголюбского // Памятники литературы Древней Руси: XII век. – М. : Художеств. литература, 1980. – С. 324 – 337.

ЖФП – Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник. XII – XIII вв. / под ред. С.И. Коткова. – М. : Наука, 1971. – С. 102.

ПВМ – Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси: XI – нач. XII века. – М. : Художеств. литература, 1978. – С. 392–421.

СлСВл. – «Слово» Серапиона Владимирского // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. – М. : Художеств. литература, 1981. – С. 440 – 455.